

**Читайте романы мастеров закрученного сюжета
Анны и Сергея Литвиновых:**

Осколки великой мечты
Быстрая и шустрая
Даже ведьмы умеют плакать
Кот недовинченный
Красивые, дерзкие, злые
Боулинг-79
Пальмы, солнце, алый снег
Наш маленький Грааль
Внебрачная дочь продюсера
Ревность волхвов
Ideal жертвы
Золотая дева
Я тебя никогда не забуду
У судьбы другое имя
Та самая Татьяна
Мадонна без младенца
Семейное проклятие
Изгнание в рай
Над пропастью жизнь ярче
Главная партия для третьей скрипки
Девушка не нашего круга

Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет
Все девушки любят бриллианты
Проигравший получает все
Второй раз не воскреснешь
Предмет вожделения №1
Оскар за убийную роль
Дата собственной смерти
Парфюмер звонит первым
SPA-чистилище
Вояж с морским дьяволом
Биография smerti
Девушка без Бонда
Три последних дня
Незримая связь
Джюльетта стреляет первой

Сериал «Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прет-а-порте
Ледяное сердце не болит
Одноклассники smerti
В Питер вернуться не все
Через время, через океан
Небесный остров
Несвятое семейство
Ныряльщица за жемчугом
Десять стрел для одной

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания — многие печали
Вне времени, вне игры
Аватар судьбы
Успеть изменить до рассвета

Сериал «Паша Синичкин, частный детектив»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний
Слишком много любовников

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сериал «Высокие страсти»

Исповедь черного человека
Сердце бога
Бойтесь данайцев, дары приносящих
Здесь вам не Сакраменто

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени
Горький инжир

*Все персонажи, события и места действия
данного произведения являются исключительно
вымышленными — хотя, возможно, инспирированы
реальными людьми, случаями, происшествиями,
путешествиями, разговорами и встречами в различных
населенных пунктах России и зарубежья.*

Пролог

Москва. Сентябрь 1998 года.

На девятом месяце всегда тяжело.

Как бы ты ни хорохорилась.

Вы, мужики или нерожавшие, можете, для примера, привязать себе к талии огромный шар весом пятнадцать или все двадцать кило и походить хотя бы денек. Поездить в душном метро. Попытаться втиснуться в тесный шоферский отсек «Жигулей»-«девятки».

С таким животом (и общим ослаблением и вялостью организма) хорошо лежать на спине под прохладной простыней. И читать что-нибудь легкое, во всех смыслах, и необязательное. Какую-нибудь Джекки Коллинз в мягкой обложке. «Звезду (прости господи) Голливуда». И еще хорошо, чтобы кто-нибудь приносил тебе свежавыжатый апельсиновый сок. И коль скоро любимый кофе по случаю все той же беременности нельзя — хорошо заваренный чай.

А она бы еще на него — того, кто все это подносит, — ворчала. И даже покрикивала. Что опять пожалел заварки, а сок выдавил с косточками.

Однако беда заключалась в том, что покрикивать ей было ровным счетом не на кого. Ворчать — тоже.

Как некому и подносить напитки.

Но отсутствие мужской подмоги и понимания еще можно пережить.

Настоящая беда заключалась в том, что ей негде, в самом буквальном смысле, поклонить голову.

Не имелось не то что прохладных простыней — никакой кровати или дивана не имелось. Хотя бы даже без постельного белья. Можно было, конечно, пристроиться здесь, в запасном офисе.

Офис — громкое слово. Одна комната в доживающем последние дни советском НИИ. Внутри — два щегольских канцелярских стола благородного цвета кофе с молоком, они с Максом купили их в свои недолгие дни блистательного процветания. Один стул, удобное псевдокожаное кресло, компьютер, телефон с факсом и ксерокс. Однако затеваться с ремонтом, даже косметическим, показалось им излишним. Обои оставили старые, от арендодателя, в ужасный розовый цветочек. Занавесочки и карнизы — тоже кошмарные. Скрипучие истертые полы. На столе — стопка бумаги, карандаши в стакане. И справочник, желтые страницы Москвы на девяносто седьмой — девяносто восьмой годы.

Где адрес их тайного пристанища (кстати говоря) ни в коем случае не значится.

Она сперва сопротивлялась и говорила Макс: зачем? К чему тратиться на дополнительную аренду, если они тут и не бывают практически? Приехали пару раз, и то для того (как ей показалось, и правильно, наверно, показалось), чтобы невенчаный супруг овладел ею. Прямо на этом самом кресле, стискивая зубы, когда слышался шум шагов и голоса людей, снующих по коридору.

Совсем ей тогда не до восторгов любви было, в первом триместре. А Макс как с цепи сорвался, склонял ее к плотским утехам всегда и везде. И своего добивался.

Он чертовски настырным был, Макс. Вот и с офисом настаивал: авось да пригодится. Пусть будет запасной аэродром, никому не известный. Оформил аренду на своего школьного приятеля-алкоголика, которого связать с реальными съемщиками было еще постараться.

Она даже взревновала сперва: вьет себе гражданский муж уютное гнездышко для интимных встреч. С ней он это местечко как раз опробовал, а теперь пустится во все тяжкие. Будет сюда баб водить. Она ему про свои подозрения мягко намекнула — а он расхохотался: да ведь квартира для интима удобней, разве нет? Зачем для утех *офис* снимать? В частном секторе куда как комфортабельней можно устроиться!

И впрямь — в офисе предаваться любви комфорта мало: полежать спокойно негде. Помыться — тоже. В тот их единственный раз пришлось, фу, туалетной бумагой вытираться.

А если скрываться, пересидит она здесь хотя бы пару дней? Ладно без кухни, питаться можно выходить в столовку, оставшуюся от НИИ на первом этаже. А как прожить без ванной? Без кровати? Спать в кресле? Или на полу?

Спасибо, что хоть крыша над головой имеется. Приют убогого чухонца. Остается только задуматься: вот Макс, он что, изначально планировал, что у них все так закончится? Вся любовь и весь бизнес? И он именно для подобного случая запасные аэродромы себе налаживал? Или все-таки сыграла свою роль его врожденная осторожность?

Осторожность и подлость?

Да-да, как она ни защищала Макса перед собой, ничего не оставалось делать, кроме как признать: а ведь он настоящий, получается, натуральный подлец. А как еще назвать мужика, который в самый критический момент совместной жизни вдруг р-раз — и линяет? И даже не удостоивает объяснения? Просто, сволочь, оставляет на кухонном столе записку: дорогая, мне срочно надо уехать, как обустроюсь, дам о себе знать, а ты меня не ищи — глупо, бесполезно, все равно не отыщешь.

И — исчезает. И — бросает ее. На девятом месяце беременности, с их совместным ребенком в животе. И — с многомиллионным долгом.

Конечно, Максик знал, чувствовал, куда дело катится! Она и сама, после того как в августе правительство «киндер-сюрприза» Кириенко объявило дефолт, понимала: в ситуацию они попали аховую. Почти безнадежную.

Но она-то готовилась к борьбе и планировала: они с Максом будут сражаться и выпутываться — рядом, вместе, плечом к плечу. Поддерживая друг друга.

Но Макс, оказывается, вынашивал иные планы. Он, мерзавец, просто бросил ее. Благородно оставил здесь, в Москве, заставив одной справляться со всем, что на нее навалилось: и с будущим ребенком, и с миллионным долгом.

А сам... сам он теперь где-нибудь далеко, в теплых краях. На Карибах или Багамах. Сидит, подонок, с коктейлем, развалившись, у бассейна.

Если у него хватило подлости ее кинуть — можно не сомневаться: значит, хватило мерзотности втайне припрятать себе деньгу на черный день. Значит, он всегда вел двойную бухгалтерию? Постоянно обманывал? Ведь она в их совместной фирме исполняла роль главбуха — и как только прошляпила, проворонила?

Стало невыносимо себя жалко, и слезы снова закапали, потекли по щекам. Она рыдала тихонечко, чтоб не услышали спящие по коридору.

Потом, когда плакательный пароксизм прошел, стало легче. Но она даже платок в сумочку забыла положить, убегая сегодня из дому после *того звонка*. Пришлось вытирать слезы туалетной бумагой — тем самым рулончиком, что они с Максом привезли сюда, вместе со всем необходимым, «на новоселье». Как давно это было — хотя, казалось бы, полгода назад, в марте. И насколько другим тогда казалось! Веселым, безоблачным, бесшабашным! Полным надежд и радужных упований!

Впору было снова захныкать. Но слезами, как известно, горю не поможешь.

Надо думать, как спастись. Спасать себя — и ребен-

ка. Который, словно почувствовав ее отчаяние, как раз начал в ее чреве радостно кувыряться, лягаться, стучаться изнутри. Будто говорил: эй, мамаша, вспомни и подумай обо мне. Теперь я, что бы ни случилось, главная твоя величина, основная твоя забота.

«Ты меня слышишь, маманя? Все будет о'кей?»

Да-да-да. Главные жизненные вопросы ей теперь будет задавать ребенок. И потому ей следовало что-то срочно придумать. Прежде всего, где рожать. Для *тех, кому они с Максом должны* и кто поставил их на счетчик, нет ничего проще пробить все московские роддома, да и подмосковные тоже. И встретить ее на пороге в день выписки, выходящую из ворот с сопящим сверточком: «Это мы, здравствуйте, где там наши денежки?»

Ехать домой, к матери, — тоже не вариант. И дело, конечно, не в том, что мамаша знать не знает, ведать не ведаёт о ее положении — ничего, перетопчется, а может, даже обрадуется будущему внуку или внучке. Беда, что *они* ведь и мамкин адрес в два счета могут пробить и туда наведаться.

По той же самой причине решительно не годятся и заведшиеся в Москве три-четыре подружки по институту, и бедный, беззаветно влюбленный в нее Кирюшка.

Оставалось одно: бежать куда глаза глядят. Страна у нас, слава богу, большая. Ткнуть пальцем в карту — хорошо бы целить в большой город, желательно «миллионник», чтобы родовспомогательная советская медицина еще не успела там развалиться. И уехать в глушь, в какую-нибудь Самару, Казань или Нижний Новгород. Или Новгород Великий. Или даже Петербург — а почему нет? Чем плоха Северная столица?

Причем бежать надо не на машине, конечно. На авто *они* вычислят ее на раз. Как ни жалко бросать любимую подружку-«девятку», но пусть она остается там, где стоит, — во дворе ее дома в Спиридоновском переулке. *Их с Максом* дома. *Бывшего* дома.

Поездом и самолетом, по причине конспирации, ехать тоже нельзя.

Значит, остается брать машину напрокат. Прокатный сервис в России — он пока, конечно, совершенно не развитый. Операцию надо будет повернуть частным образом, втихаря, не оставляя следов. Найти частника, чтоб продал ей машину без оформления — просто написал на нее доверенность с правом продажи. А она сядет и прямо после покупки покатит в глубь страны.

Да, может, и хорошо, что настоящего проката лимузинов, с предъявлением паспорта, прав и кредитки, в стране пока что нет. И сразу вспомнилось, как они с Максом мечтали, что когда-нибудь, когда по-настоящему встанут на ноги, откроют подлинный «рент-а-кар», как на Западе.

И гостиницу собственную заведут. И ресторан. И загородный дом отдыха на озере, с пляжем, сауной, лодками и великами.

Однако теперь, вместо того чтобы реализовывать столь далеко идущие *совместные* планы, приходится ей *одной* скрываться в запасном офисе, на резервном аэродроме (как Макс говорил).

Не плакать, только не надо плакать!

Лучше строить свой собственный *запасной план*: предпочтительней все-таки не покупать авто, а договориться с каким-то таксером, водилой-бомбиллой. Пусть везет. На это денег точно хватит. Слава богу, у нее тоже хватило ума оставлять заначку на черный день. Но если Макс экономил, по всей видимости, по-крупному — настолько, что ему хватило слинять с концами, как припекло, — то она собирала по-маленькому. Думала, дура, сделать любимому подарок — у него как раз в феврале день рождения, — собрать ему на иномарку. Что он все у нее «девятку» одалживает? Или, в особо крутых случаях, когда пыль в глаза надо пустить, «мерс» с шофером арендует?

Семь с половиной тысяч долларов у нее набралось.

Да, хватит доехать до Питера (или даже до Казани) и обустроиться: и родить, и на первое время.

А дальше она что-нибудь придумает.

Как говорится в ее любимой книге, «я подумаю об этом завтра».

Поэтому надо не засиживаться здесь, в никчемном и дурацком офисе, а воспользоваться здешними коммуникационными возможностями — телефоном, факсом и новой игрушкой — Интернетом, чтобы найти, и немедленно, прямо сегодня, водителя с машиной, чтобы тот отвез ее... Отвез — куда?

Куда-нибудь в совершенно случайный город, где она даже не бывала раньше никогда и где ее никто не знает и она — никого.

И там она все, даст бог, начнет сначала.

Шаги по коридору вдруг остановились возле ее двери.

Две пары мужских шагов.

И тишина. Ни стука, ни голосов. Ей почудилось?

А потом в дверь забарабанили — коротко, но властно.

И раздался голос.

Тот самый голос.

Мужской, решительный, с усмешливыми обертонами и интонациями:

— Эй, красавица! Открывай давай! Я знаю, ты здесь! Не испытывай наше терпение! Третий этаж, все равно в окошко не выпрыгнешь. Да еще с пузом таким. А нам поговорить надо. Деловое предложение имеется.

Она сжалась и, как загипнотизированная, слушала голос и смотрела на дверь.

— Вскроем сейчас замок к чертовой матери. Хуже будет.

— Я милицию вызову.

— Очень-очень глупо будешь выглядеть. Открывай. Клянусь, никаких утюгов и паяльников. Войдем, как говорится, в твоё положение. Просто поговорим. Давай, открой, красоточка, ну!

И она ему отворила.

Первым в комнату вошел Тамерлан. Шкаф-телохрани-
тель, не обращая никакого внимания на женщину, будто ее
и не было тут вовсе, осмотрел комнату: что за дверью, за ок-
ном, даже под столы глянул. А после — вышел. И дверь за
собой прикрыл. Но оставил в комнате второго. Своего босса.

Заимодавца и кредитора.

Выглядел тот, как типичнейший новый русский —
персонаж, который к тому времени, девяносто восьмому
году, постепенно уже начал исчезать, линять, приспоса-
бливаться к меняющимся условиям. Многих из тех, кто
царил и владычествовал в самом начале девяностых и кого
газета «Коммерсант» первой прозвала «новыми русскими»,
к концу десятилетия поубивали, кто-то безвозвратно уе-
хал. Иные цивилизовались, стали одеваться со вкусом. Но
для типа, вошедшего сейчас в офис, время словно оста-
новилось. Малиновый, да, пиджак; по перстню с печат-
кой на каждой руке, золотой «Роллекс» на одном запястье
и золотой же браслет — на другом; брутальная небритость,
живот и пацанская походка — таков был портрет того, кто
явился сейчас к ней.

Но главными в его внешности, безусловно, были гла-
за. Абсолютно холодные, безжалостные — глянешь, и сра-
зу возникает мысль, что их обладатель способен убить.
И наверное, *уже убивал*.

Вот у кого она оказалась в полной власти.

— Че, побегать решила? — с некой даже долей сочув-
ствия проговорил кредитор и хохотнул: — Пуля догонит.
Далеко собралась? — Он кивнул на чемоданчик, который
она пристроила у тумбы письменного стола. — Или здесь,
прямо в офисе, зимовать решила?

— Как вы меня нашли? — ошеломленно проговорила
она — потому что, во-первых, и впрямь было непонятно
как; а во-вторых, почему-то ей подумалось (и даже с неко-
торым злорадством, но отнюдь не с жалостью), вдруг кре-
дитор скажет: а мы, мол, твоего хахаля Макса отыскали,

и он нам тебя выдал. Чтобы не одной пропадать! Чтобы и Макс теперь покрутился!

Однако «новый русский» произнес иное:

— Смотри и учись. Даю тебе урок. Знать надо такие вещи. А то бизнес... называешься, мля, вумен, а таких элементарных понятий не ведаешь.

Он без спроса засунул лапу в ее сумку. Вытащил оттуда сотовый, недавно купленный за большие деньги, — огромный лопатник, мобильный телефон «Нокиа» величиной с добрый кабачок.

— Местонахождение такого телефона вычисляется на раз. Триангуляция называется. — Ученое заморское слово «триангуляция» «новый русский» проговорил с очевидным удовольствием. — Так что, если хочешь от кого шухариться, первым делом от мобилы надо избавиться — поняла, крошка?

И он повертел в руках ее телефон, проверил табло последних вызовов — а потом, ничего интересного, видимо, не обнаружив, сунул, как собственный, во внутренний карман пиджака. Безо всяких пояснений.

— Ладно, «тайм из мани», как говорят наши друзья американе, — промолвил заимодавец. Английскую поговорку, с чудовищным акцентом, он также произнес с видимым наслаждением: мол, я хоть из простых и провинциал, в столицах не проживаю и не обучался, однако тоже не лаптем щи хлебаю. — Поэтому не буду сопли жевать и задавать тебе бессмысленные вопросы. Скажу предельно конкретно. Ситуация у нас с тобой такая. Ты со своим сожителем должна мне денег. Сожитель твой скрылся в неизвестном направлении. А ты, овца, по его долгу передо мною ответить не можешь. Правильно я обрисовал?

Он сделал паузу, однако она ничего не ответила. Хотела заплакать, но слезы не шли, да и все равно, понимала юная женщина, этим делу не поможешь.

— Все правильно, — удовлетворенно сказал сам себе «новый русский». — А ты молчишь, потому что че гово-